
ОЛЕГ ГОЛИКОВ
РЫЖАЯ
ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ
ТОМ IV
ИЗ ОГНЯ ДА В ОГОНЬ

Олег Голиков

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том IV. Из огня да в огонь

«Автор»
2026

Голиков О.

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том IV. Из огня да в огонь /
О. Голиков — «Автор», 2026

Древний Египет, XV век до нашей эры. На троне великая царица-фараон Хатшепсут. Но подрос её племянник и одновременно сын её покойного мужа, фараона Тутмоса II. Настраиваемый своим окружением, юный Тутмос III начинает издеваться надо всем и всеми, что дорого царице. В этот непростой период из Вавилона после нескольких лет отсутствия возвращается Тия.

© Голиков О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

РЫЖАЯ ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Отец и дочь 11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Между небом и рекой 17
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Славная девочка Нефрура 22
ГЛАВА ПЯТАЯ. Первая встреча с Тутмосом 27
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Тутмос-обвинитель 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том IV. Из огня да в огонь

РЫЖАЯ ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ ТОМ IV ИЗ ОГНЯ ДА В ОГОНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тень вернулась

Фивы встретили Тию сухим, горячим ветром, который нёс с собой запах нагретого камня, пальмовых рощ и Нила — чуть солоноватый, чуть сладковатый, тот самый, который она вдыхала в детстве и который снился ей в Вавилоне, когда она лежала без сна на высокой террасе храма Милитты, глядя на чужие звёзды.

Она вошла в город через южные ворота в час, когда солнце уже клонилось к закату и длинные тени ложились на мостовые, делая их похожими на чёрные полосы. Вокруг неё было тихо — слишком тихо для обычных Фив, где всегда кто-то кричит, спорит, торгуется, зовёт детей ужинать. Но в этот вечер люди молчали. Они смотрели на неё. На рыжие волосы, которые она, вопреки египетской моде, не заплела в тугие косы, а оставила свободно падать на плечи. На её одежду — лёгкое дорожное платье из белой шерсти, подпоясанное кожаным ремнём с серебряными вставками — не египетское, но удобное. На её лицо — спокойное, загоревшее, с тонкими морщинами у глаз, которых два года назад не было.

Рядом с ней, чуть позади, шёл Ра'уф — старый, слепой, чёрный как ночь нубиец, опирающийся на эбеновый посох. Его слепые глаза были обращены к городу, и он улыбался странной,

безглазой улыбкой, которая появлялась у него только в минуты глубокого счастья. Строгий учитель и верный друг на протяжении многих лет, истоптавший вместе с Тией дороги разных стран, не единожды спасавший её, сейчас осознавал, что вернулся домой из своего последнего похода. Его сухое жилистое тело хранило в себе тайну немыслимой силы и мощи, способной легко умиротворить десятки разъярённых врагов, но только не время.

Люди расступались перед ними, встревоженно наблюдая за этим небольшим, но очень воинственно выглядевшем отрядом. Тия не смотрела по сторонам — она смотрела вперёд, туда, где за стенами дворца её ждала та, ради кого она вернулась.

Весть о её прибытии разнеслась по городу очень быстро и ещё быстрее долетела до дворца. У распахнутых тяжелых ворот первым встречающим был Сенмут. Великий архитектор и политик в белом льняном схенти и кожаной накидке, с начинающими седеть волосами, с мешками под глазами и усталостью, которую не могли скрыть ни власть, ни слава. Он обнял её молча, крепко, как обнимают дочь, которую не видели слишком долго, и отстранился первым, потому что мужчины его положения не плачут при посторонних, даже если очень хочется.

— Хвала богам, ты вернулась. Не верю глазам своим. Тия, я бесконечно рад твоему возвращению. Ты повзрослела, стала такой… — Сенмут не нашелся, что сказать и какой такой? — Но… слушай… Она ждёт тебя. — Сказал он. — В малом зале. Одна. Иди быстрее.

— Сенмут, дорогой мой, я так рада видеть тебя здесь. У меня так много есть для тебя всего-всего! — ответила Тия, обнимая архитектора. — Мы с тобой обязательно наговоримся и всё-всё обсудим.

Она оставила Ра'уфа и своих людей во внутреннем дворике, где слуги уже расстилали циновки и готовили ужин, и пошла по длинному коридору, стены которого помнили её шаги с детских лет. Здесь ничего не изменилось. Те же фрески, изображающие богов, битвы и триумфы фараонов. Добавились и некоторые новые, изображающие уже саму Хатшепсут. Гладкие колонны, покрытые иероглифами, теперь славили царицу-фараона, дочь Амона, посмевшую править Египтом. И те же запахи ладана, благовоний и старого дерева, которые пропитали каменные стены насквозь.

Малый зал был пуст и светел. Две ритуальные масляные лампы горели в углах, да прохладный ветер с Нила шевелил лёгкие занавеси у окон. Хатшепсут стояла у окна, спиной к двери, и Тия вдруг поняла, что она ждала этого момента так же долго, как и она сама.

— Повелительница, — произнесла Тия, останавливаясь в нескольких шагах. — Я вернулась.

Хатшепсут медленно повернулась.

Она изменилась. Это была первая мысль, которая пришла Тии в голову. Не то чтобы сильно, но в глазах появилась глубокая, усталость женщины, несущей на своих плечах слишком тяжёлый груз власти. У висков засеребрилась седина, которую всегда тщательно скрывали искусные парики, а сейчас, в домашней обстановке, она не пыталась её прятать. На ней было простое белое платье без единого украшения. Без двойной короны, без золотых браслетов и урея она выглядела не как фараон, а как женщина, которая устала от всего этого, но не могла себе позволить остановиться.

Они смотрели друг на друга долго, очень долго. Потом Хатшепсут шагнула вперёд и обняла её.

Нежно. Как мать свою дочь. Как сестра — сестру. Как две женщины, которые пережили столько битв, интриг и потерь, что им уже не нужны слова, чтобы понять друг друга.

— Тия, тень моя, — сказала Хатшепсут в её волосы. — Ты вернулась. Наконец-то.

— Я вернулась, повелительница, — ответила Тия, чувствуя, будто тепло материнских рук согревает её после долгой дороги.

Они отстранились, но не выпустили рук. Сели на низкие диваны у окна, и Тия вдруг заметила, что царица смотрит на неё не как правительница на подданную, а как старшая подруга на младшую, которая стала взрослой и сильной.

— Ты изменилась, — сказала Хатшепсут, и в её голосе прозвучало не удивление, а скорее утверждение. — Я вижу это. Ты стала другой.

— Я была в Вавилоне, госпожа, — ответила Тия. — Два года. Я видела смерть мамы, я видела чужих богов, я научилась убивать не только ножом, но и молчанием.

— Ты была с Шамхат до конца?

— Да, госпожа. Она умерла у меня на руках. Болезнь была быстрой. Она не мучилась.

Хатшепсут помолчала, глядя в окно.

— Твоя мать была удивительной женщиной, — сказала она наконец. — Я встретила её один раз, когда ты была совсем маленькой. Она пришла во дворец с тебой на руках, чтобы попросить защиты для тебя, если с ней что-то случится. Я тогда подумала: «Какая странная женщина». Но теперь я понимаю: она знала. Она знала, что её заберут. Что она не вырастит тебя.

— Вы знали? — Тия удивилась.

— Я догадывалась. Но не была уверена. А потом ты пришла ко мне сама, маленькая, рыжая, с огромными глазами, и я поняла: это та самая девочка. Я должна её защитить.

— Вы защитили меня, госпожа, — сказала Тия. — Вы дала мне дом, учителей, веру в себя. Я никогда не забуду этого.

— Не надо меня благодарить, — отмахнулась Хатшепсут. — Я делала это не только для тебя, но и для себя. Ты была нужна мне. Ты остаёшься нужна мне до сих пор.

Тия подняла глаза и встретила взгляд царицы. Тяжёлый, усталый, но всё ещё горящий тем огнём, который она помнила с детских лет.

— Рассказывай, — сказала Хатшепсут. — Всё. Что ты видела? Чему научилась? Кем стала?

Тия рассказала.

О Вавилоне — великом городе с висячими садами и синими воротами, о храме Милитты, где жрицы в белых одеждах двигались как видения, о матери, которая по ночам пела на незнакомом языке и плакала беззвучно.

Об Агуме Третьем, молодом царе Кардуниаша, который взял её в поход на южных соседей и с которым она сидела у костра и смотрела на звёзды, чувствуя, как сердце бьётся чаще.

О любви, которая была и прошла. О походе, где она впервые убила не защищаясь, а нападая, и поняла, что может быть не только тенью, но и мечом.

О Ра'уфе, который учил её новым захватам, броскам, подножкам, элементам выведения из равновесия — всему тому, что называется «мельница» и чему нет названия в египетском языке.

О смерти матери, о её загадке — кто она, откуда, почему её нашли у храма младенцем, ни корней, ни рода.

О том, как царь Агум дал ей подданство Вавилона и пообещал помочь найти ответы. О том, как она вернулась в Египет с обещанием матери, которое нужно выполнить.

Хатшепсут слушала не перебивая. Только когда Тия замолчала, она спросила:

— Ты молода, красива, сильна, успешна, но скажи мне, ты счастлива?

— Я свободна, — ответила Тия. — Возможно, это не одно и то же, но я чувствую себя свободной.

— Свобода — это, конечно, счастье, — сказала царица. — Просто другое. Ты его ещё не распробовала. Мне кажется, что свобода одиночества не может гарантировать полноту счастья. Ведь кто-то должен быть рядом, чтобы ты могла с ними разделять его.

Она помолчала, потом заговорила так, как будто ждала именно этого момента, именно эту девушку, чтобы поделиться с ней всеми мыслями, которые долгое время были исключительно ЕЁ мыслями.

О том, что строительство храма уже близилось к завершению. Что это рукотворное творение тысяч людей затмит все до сих пор созданные памятники. Что она задумала построить самые высокие в мире обелиски, и Сенмут уже разрабатывает чертежи и подбирает людей для этого дела. О том, что торговля с Пунтом после экспедиции туда Тии с большим посольством процветает и отношения с царём и царицей этого благословенного края сложились добрыми и выгодными. О нескольких военных походах.

А потом она заговорила о Тутмосе. О мальчике, который рос и становился мужчиной и уже начинал мнить себя фараоном. О его дерзостях, оскорблениях, угрозах. О том, как он называл Нефруру «дочерью временщицы». Как публично оскорблял Сенмута. Как требовал, чтобы она отреклась от престола и передала ему власть.

— Ему пятнадцать, Тия, — сказала она. — Пятнадцать лет, а он уже чувствует себя фараоном. У него плохие советники и писцы, он собрал небольшой отряд преданных себе воинов. Некоторые жрецы втайне от Хапусенеба, нашего верховного жреца Амона, нашептывают ему на ухо старую песню, что женщина не должна править, что он — законный наследник, что трон принадлежит ему по праву крови. И он верит. Он уже не мальчик, которого мы знали. Он — угроза.

— Повелительница, я приехала вовремя, — улыбнулась Тия.

— Тень моя, Тия, ты всегда вовремя, мне тебя очень не хватало. Твоё присутствие возле меня — это и есть моё счастье.

— Вы великая женщина, и для меня огромная честь, что я могу находиться подле вас. Вы хотите, чтобы я решила проблему Тутмоса и его окружения? — спросила Тия.

Хатшепсут смотрела на неё долго. Так долго, что Тия начала считать удары своего сердца.

— Сначала ты отдохнёшь. Ты обязательно должна встретиться с отцом. Непременно вместе с Сенмутом отправиться к храму Джесер-Джесеру. Посмотри, как без тебя разросся город. Окунись в Фивы с новой силой и новыми знаниями. А когда почувствуешь снова себя египтянкой, — Хатшепсут хитро улыбнулась и провела перед собой ладошкой слева направо, — успокой его.

Понятно, что речь пошла о Тутмосе. Голос царицы зазвучал жестко и непримиримо.

— Убери его советников. Лиши его голосов. Пусть его стража оцепенеет от ужаса. Оставь юношу одного. Если он будет молчать — я выиграю время. Если будет пытаться сопротивляться…

Она не договорила.

— Ты знаешь, что делать? — спросила она вместо этого.

— Знаю, госпожа.

— Но без смертей, — добавила Хатшепсут жёстко. — Если умрёт хоть один из его людей — это объявят моим заказом. А мне не нужны распри, слухи и бунты.

— Живыми будут, — пообещала Тия. — Вопрос — насколько целыми.

Хатшепсут кивнула. Потом поднялась, подошла к Тие, взяла её лицо в свои руки.

— Ты стала сильнее, Тия, — сказала она. — Я вижу это. Ты не просто тень теперь. Ты — оружие. Ты — меч, который я могу вынуть из ножен и ударить, не боясь, что он сломается.

— Я всегда была вашим мечом, госпожа, — ответила Тия. — Просто раньше я пряталась в ножнах. А теперь я готова из них выйти.

— Ты готова убивать? — Хатшепсут прищурила глаза.

— Я, как и раньше, готова защищать тех, кого люблю. Если для этого нужно убивать — значит, я буду убивать. Вас и Нефруру я поклялась защищать в тот день, когда она появилась на свет. Так и будет.

Они обнялись снова, и Тия почувствовала, как слёзы текут по щекам. Она не вытирала их. Не хотела. Пусть текут.

— Ну, вот и с возвращением, — улыбнулась Хатшепсут. — Займись собой и отдыхом. Когда будешь готова, я представлю тебя Тутмосу официально. Ты — моя личная советница по делам северных земель. Хороший повод находиться рядом.

— А настоящая цель?

— Настоящая? Это и есть настоящая, только с обязанностями защиты царской семьи. Только об этом нет смысла всем знать.

Тия поклонилась, низко, с уважением.

— Слушай, ты хочешь есть? — вдруг спросила Хатшепсут.

— Да, госпожа, — могу съесть антилопу.

— Отлично. Оставайся и будет тебе антилопа. Поужинаем вместе, как раньше.

Тия подняла глаза. Во взгляде Хатшепсут было что-то тёплое. Усталое. Знакомое.

— Как раньше, — повторила Тия. — Спасибо, госпожа.

***

Велев накрыть богатейший стол в зале приёмов для всех остальных прибывших, они ужинали в малом уютном зале вдвоём, без слуг. На низком столике стояли лепёшки, сыр, финики, кувшин с вином и две глиняные чаши. Тия ела медленно, чувствуя, как тепло разливается по телу. Хатшепсут пила вино маленькими глотками и молчала.

— Ты знаешь, — сказала она наконец, — когда ты уехала, я думала, что не выдержу. Не потому, что ты была нужна мне как шпионка. А потому, что я привыкла к тебе. Ты была моей опорой. Моей тенью. Моей совестью.

— Никогда не думала, что так нужна вам. Вернее, не надеялась. Просто делала то, что мне поручали и то, что у меня хорошо получалось. Благодаря вам я стала той Тией, которую вы сейчас видите. Благодаря вам я могу разговаривать с правителями и вождями других стран и племён. Если бы вы не увидели в маленькой девочке из Шет-ит что-то известное только вам, я бы до сих пор вырезала фигурки в мастерской отца, — задумчиво произнесла Тия.

— Нам сейчас важен день сегодняшний. И сегодня я вижу, что ты стала очень сильной. Сильнее меня. Сильнее всех нас. У тебя органично получалось делать то, что хотела бы сделать я сама. Но мне ничего подобного делать нельзя, потому что… сама знаешь, почему, — царица улыбнулась.

— Я не сильнее вас, госпожа. И, что совершенно точно, не умнее. Я просто другая.

— Другая — это хорошо. Другая — значит, не такая, как все. Ты всегда была другой, Тия. С первого дня, как ты переступила порог этого дворца. Рыжая, белокожая, с глазами, которые видели больше, чем нужно. Я сразу поняла: эта девочка не будет просто служанкой. Она будет или моим спасением, или моей гибелью.

— Ой, ну, только не гибелью. Я, надеюсь, спасением, госпожа.

— Я тоже надеюсь, — усмехнулась Хатшепсут. — Иначе зачем всё это?

Они ещё долго сидели, говорили о пустяках и о важном, смеялись и молчали, и Тия вдруг поняла, что соскучилась по всему этому — по теплу, по доверию, по тому, чтобы быть не просто оружием, а человеком, которого любят и ценят не за то, что она умеет убивать, а за то, кто она есть.

Когда встреча закончилась, уже в дверях она остановилась и обернулась.

— Моя повелительница, вы для меня больше, чем госпожа. Я помню и ценю каждую нашу встречу, каждый разговор. И сделаю всё, что от меня зависит для спокойствия Фив и силы власти, — сказала она. — Я успокою Тутмоса. Надолго.

— Да будет так, — ответила Хатшепсут. — Действуй и береги себя. Тебя люблю не только я, у тебя много друзей в Египте и за его пределами.

Тия вышла в коридор, и как будто началась её следующая жизнь. Она дома. И как же всё это знакомо: от дворцовых коридоров и козней врагов до предвкушения новой битвы. По длинному коридору, освещенному тусклым светом масляных ламп, она вышла во двор. Стража сопроводила её к воротам. В окружении двух воинов она пошла по улицам города к дому отца. Начиналось новое сражение — тихое, опасное, без барабанов и труб. И она была готова к нему. Как никогда раньше.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Отец и дочь

Пройдя половину пути, Тия отпустила охрану и дальше пошла одна по знакомой дороге, по которой не ходила больше двух лет.

Район ремесленников встретил её привычными запахами — кожей, которую дубили в открытых чанах, обработанными деревянными заготовками для изготовления фигурок ушебти, жареной рыбой из уличных забегаловок, нагретой солнцем глиной. Узкие улочки, открытые окна, из которых доносились голоса обитателей и плакали младенцы, спящие у дверей кошки. Здесь не было места для роскоши, но было место для простой ничем неприметной жизни. И здесь жил отец.

Свой дом Тия увидела, вернее почувствовала, издалека. Ей показалось, что он сильно уменьшился в размерах. Ссохся что ли.

Старое финиковое дерево во дворе, которое помнило её пятилетней, когда она карабкалась по его стволу, обдирая коленки. Плоская крыша, где она училась ловить ящериц и мечтала о дальних странах. Дверь, всегда открытая — не потому, что нечего красть, а потому, что Небамон верил: человек, который приходит с добром, не нуждается в приглашении.

Тия вошла без стука.

Сначала она не увидела отца. В доме было темно — ставни закрыты, очаг погашен, воздух спёртый и тяжёлый. Пахло старой пылью, сухими травами и чем-то ещё, неуловимым, что она помнила с детства — запахом отца, его рук, его бороды, его тихих песен по вечерам.

Она перешагнула порог и остановилась.

Небамон сидел в низком плетёном кресле у потухшего очага. Он не спал — просто сидел, уставившись в одну точку, туда, где когда-то горел огонь. Руки его лежали на коленях — жилистые, с синими венами, с пальцами, которые когда-то легко вырезали из дерева богов и царей. Голова склонилась вниз, волосы, совсем белые, почти прозрачные, падали на лоб, скрывая глаза. Он не был старым, но пока её не было, превратился в дряхлого старца.

Отец не услышал её шагов.

Это напугало Тию больше, чем любой враг. Отец, который всегда слышал её издалека, который просыпался от её дыхания за стеной, который угадывал её настроение по тому, как она открывает дверь, — теперь сидел в темноте и не замечал ничего вокруг.

— Отец, — сказала она негромко, боясь спугнуть его, боясь, что голос дрогнет и выдаст её волнение.

Он вздрогнул всем телом, как будто кто-то коснулся его ледяной рукой. Поднял голову медленно, тяжело, и глаза его долго фокусировались, привыкая к лунному свету, что лился из открытой двери. Сначала он узнал фигуру — высокую, стройную, в дорожном платье. Потом лицо с тонкими чертами, с совершенно потрясающими глазами и полным любови и боли взглядом. И, наконец, волосы — рыжие, огненные, такие же, как у той, кого он потерял много лет назад и кого так и не смог забыть.

— Тия, — выдохнул он хрипл, дрожащим голосом. — Тия...

Голос дрожал не от старости. От того, что он боялся поверить в действительность происходящего. Боялся, что это сон, что видение исчезнет, как только он протянет руку, что он снова останется один в этом холодном, тёмном доме.

Она подошла, опустилась перед ним на колени на старую циновку, которая лежала здесь много лет. Взяла его руки в свои:

— Я здесь, отец. — Она сказала это тихо, глядя ему прямо в глаза, чтобы он видел — вот она, настоящая, она вернулась, она не исчезнет. — Я вернулась.

Он смотрел на неё, и глаза его наполнялись слезами. Добрый Небамон, который не плакал никогда, который не жаловался, когда ему было больно и трудно, который гордо отказывался от любой помощи, — сейчас сидел перед дочерью и плакал. Беспомощно. Тяжело. Слезы текли по морщинистым щекам, застревали в седой бороде, падали на колени и впитывались в старую ткань.

— Два года, — сказал он, и голос его срывался на каждом слове. — Как долго, Тия. Целых два года я ждал тебя. Я думал... я думал, не увижу тебя.

— Я не могла, отец. — Она сжала его руки крепче, чтобы он чувствовал тепло её ладоней. — Я была далеко. Очень далеко.

— Ты дошла до Вавилона? — Он слышал это от купцов, которые захаживали в его мастерскую за амулетами и статуэтками. Они шептались, что рыжая девчонка появилась при дворе царя Агума. Небамон не верил — слишком невероятным казалось, что его дочь, девочка, которую он учил резать по дереву, вдруг добралась до далекой страны и стала вхожа к самому правителю. И в то же время верил — потому что в его Тие было что-то такое, что заставляло людей замечать её, слушать её, верить ей.

— Дошла, отец, — подтвердила Тия. — Я была у матери.

Он вздрогнул, как от удара. Всё его тело напряглось, пальцы вцепились в её руки, и она почувствовала, как сильно он ещё может сжать, когда речь заходит о самом дорогом.

— Шамхат? — Голос его стал тихим, почти беззвучным. — Шамхат жива?

Тия покачала головой.

— Была, отец. До этой весны.

Небамон закрыл глаза и долго сидел так, не шевелясь. Тия видела, как по его лицу пробегает дрожь, как из-под закрытых век медленно катятся крупные слезы. Он горько плакал, и ему было всё равно, что дочь видит его слабость.

— Расскажи, — сказал он глухо, не открывая глаз. — Всё рассказывай. Не пропускай ничего. Сейчас я принесу вино.

И Тия рассказала.

Она говорила долго, её слова текли ровно, спокойно, но в каждом из них была такая боль и такая любовь, что, если бы стены могли чувствовать, они бы рыдали.

Она рассказала о том, как через моря, пустыню и происки врагов дошла до Вавилона, красивейшего города на земле. Каким увидела храм богини Милитты на окраине Вавилона, среди висячих садов и синих ворот. Как её встретили жрицы в белых одеждах, с холодными глазами, и как она встретила мать.

— Жрицы сначала не поверили мне, когда я сказала им: «Передайте верховной жрице, что её дочь пришла из Египта», — сказала Тия. Небамон сразу вспомнил её голос по ноткам упрямой решимости. — Они думали, что я самозванка. Но когда я показала фигурку жука-скарабея, которого ты мне дал, они тут же побежали докладывать.

— И она приняла тебя? — спросил Небамон, открывая глаза.

— Приняла, — кивнула Тия. — Но не сразу. Она долго смотрела на меня через полуоткрытую дверь. Я чувствовала её взгляд. Она боялась.

— Чего?

— Поверить. Так же, как ты сейчас.

Она рассказала, как Шамхат спрашивала обо всем абсолютно. Даже о погоде, которая, казалось бы, совсем не имеет значения. Как она обнимала Тию, не желая выпускать из своих объятий.

— Я поселилась у неё прямо в храме. А потом... — Тия улыбнулась. — Потом она пришла ко мне ночью. Стояла в дверях, как привидение. И сказала: «Ты так похожа на него. На моего Небамона. Та же улыбка, те же глаза».

— Шамхат! Она помнила обо мне? — Прошептал он.

— Она никогда не забывала тебя, отец. Ни одного дня.

Тия рассказала о вечерах, когда мать пела на языке, который она не очень хорошо знала, и плакала беззвучно, глядя на звезды. О том, как они сидели на огромной террасе храма, пили сладкое вино и говорили о прошлом, которое нельзя вернуть, и о будущем, которое ещё можно построить. О том, как Шамхат учила её поэзии Вавилона и как они вместе смеялись над ошибками Тии в произношении.

— Я спрашивала её, почему она не вернулась, — сказала Тия. — Почему не написала, не прислала весточку. Она ответила: «Я боялась, что если увижу вас, то не смогу уйти снова. А если не уйду, они убьют тебя и твоего отца. Так было легче. Так было правильнее».

— Правильнее, — повторил Небамон горько. — Легче для кого?

— Для всех, — ответила Тия. — Она выбрала боль для себя, а не смерть для нас. Ты можешь её винить, отец. Но я не могу.

Небамон молчал, и Тия видела, как его лицо меняется — от печали к принятию.

— Она не хотела, чтобы я шла по её пути, — продолжала Тия. — Говорила: «Ты не для храма. Ты другая. Ты для тронов». И когда жрицы Милитты пытались заставить меня поклоняться их богине, она заступилась за меня. Сказала: «Моя дочь будет молиться тем богам, которым захочет. А если вам это не нравится, можете искать себе другую верховную жрицу».

— Она была смелой женщиной, — сказал Небамон.

— Она была твоей женой, отец. И моей матерью. Этоим всё сказано.

Потом Тия рассказала про поход на южных соседей. Как царь Агум собирал войско для защиты границ Кардуниаша и как она вызвалась идти с ними. Как удивился Ра'уф — её слепой учитель, который всегда говорил, что война не для женщин — когда она впервые в бою применила захват, выученный в вавилонском арсенале. Как она дралась рядом с мужчинами, и, как они потом смотрели на неё с уважением, смешанным со страхом.

— Ты воевала? — Небамон открыл глаза, и в них был страх. Не за себя — за неё. За свою единственную дочь, которая могла погибнуть на чужой земле, под чужим небом, и он бы никогда не узнал об этом.

— Да, отец, — ответила Тия спокойно. — Но я жива. И я научилась многому такому, что не умела раньше.

— Зачем тебе воевать? — спросил он, и голос его дрогнул. — Ты — девушка. Ты должна была выйти замуж, родить детей, радоваться жизни.

— Я защищаю тех, кого люблю, — ответила Тия, глядя ему прямо в глаза. — Иногда слова не помогают. Вот для этого нужны крайние меры. Я предпочла бы не знать и не уметь многого. Но мир не выбирает, каким оружием его защищать.

Небамон долго молчал. Потом кивнул.

— Ты права, — сказал он тихо. — Я уже слишком стар, чтобы спорить с тобой.

Она не стала рассказывать про Агума. Про ночи, когда они сидели у костра, и её сердце билось чаще, чем во время боя. Про мимолётное чувство, которое прошло так же быстро, как началось. Не потому, что он был плох — он был добр и умен, и она уважала его. А потому что её путь лежал не рядом с царем Вавилона. Её путь лежал домой — в Египет, к отцу, к царице, к храму, который она помогала строить.

— И она умерла, — сказала Тия, и голос её дрогнул впервые за весь рассказ. — Шамхат. Болезнь слишком быстро сожгла её, как солнце сжигает утреннюю росу.

Она замолчала, собираясь с мыслями.

— Я сидела с ней до конца, — продолжила она тихо. — Держала за руку. Она знала, что умирает. И успела сказать главное.

— Что? — прошептал Небамон, и его лицо побелело, как льняная ткань.

— Что она не знает, кто она. Её нашли у храма Милитты. Совсем малышкой. Ни родителей, ни рода, ни дома. — Тия помолчала, собираясь с духом. — И она просила меня разгадать эту тайну. Кто мы с ней. Откуда. Почему боги сделали нас чужими среди своих.

Небамон опустил голову. Его плечи тряслись — беззвучно, тяжело, как будто он нес на них весь мир, и этот мир в итоге раздавил его.

— Я не смог, — сказал он, и голос его был глухим, как из могилы. — Я ждал её всю жизнь. Посылал письма, нанимал купцов, платил жрецам. И теперь уже поздно.

— Не поздно, отец. — Тия взяла его лицо в свои руки и заставила смотреть на неё. — Я найду. Если искать ответ, то он непременно найдётся.

— Не так это просто. Но будем надеяться на это. А сейчас? — Спросил отец, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Что ждёт тебя здесь?

— Во-первых, здесь мой дом. Во-вторых, я не могла бросить тебя. И, в-третьих, я нужна повелительнице Хатшепсут, — ответила Тия. — У неё проблемы с наследником.

— Тутмосом?

— Да. Я обещала помочь царице.

— Опасная это работа. — Небамон покачал головой. — Мальчишки во власти опасны вдвойне.

— Это всего лишь работа, отец. — Тия встала, разминая затёкшие колени. — Я умею делать именно такую опасную работу. Меня этому учили лучшие учителя.

— Я учил тебя резать по дереву, — возразил он.

— Ты учил меня не бояться трудностей. Не сдаваться. Идти до конца. Это пригодилось больше, чем все резцы в мире.

Небамон смотрел на неё снизу вверх — старый, уставший, испуганный. Но в его глазах уже не было той пустоты, которую Тия увидела при входе. В них появилась жизнь.

— Ты останешься сегодня? — спросил он тихо.

— Останусь, — ответила Тия. — Я никуда не ухожу, отец. По крайней мере, пока не закончу дело.

Она помогла ему подняться. Он был лёгким, как пух, — годы взяли своё, мышцы высохли, силы ушли. Тия обняла его, чувствуя, как бьётся его сердце — слабо, но ровно. Повела к лежанке, уложила на мягкие шкуры, укрыла тонким покрывалом. Потом села рядом — на пол, спиной к стене, как в детстве, когда она боялась темноты и приходила к нему, и он рассказывал ей сказки до тех пор, пока она не засыпала.

— Тия, — сказал Небамон перед сном. — Ты очень похожа на неё. На мою Шамхат. Те же волосы, те же глаза, та же улыбка.

— А глаза — твои, — добавила она, улыбаясь.

— Это так, — прошептал он. — Мои глаза, дочка.

— Спи, отец.

— Ты споёшь мне? Как она пела тебе?

Тия помолчала. Потом тихо, почти без голоса, запела ту самую колыбельную, которую Шамхат пела ей в детстве, которую она запомнила не словами, а душой. И которую снова ей пела мать уже в Вавилоне. Небамон слушал, и его дыхание становилось всё ровнее и глубже. Он успокоился и уснул. Слишком долго ему пришлось страдать в одиночестве.

А Тия сидела в темноте и слушала, как дышит город. Шаги ночной стражи. Лай собак. Шум проплывающих мимо лодок с товаром.

Она подумала о Тутмосе. О мальчике, который стал угрозой. О советниках, с которыми надо что-то делать. О жрецах, которые могут помочь. И о матери, которая ждёт ответов там, где не существует времени.

Утром всё начнётся. А пока — можно просто сидеть и слушать тишину.

Тишину, в которой всё ещё звучала песня Шамхат.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Между небом и рекой

Два года назад. Вавилон.

Первые недели в Вавилоне были странными. Тия просыпалась по ночам от того, что не слышала Нила. Вместо его ровного, убаюкивающего шума за окнами плескался Евфрат — быстрый, говорливый, чужой. Она не могла привыкнуть к запахам — пряным, острым, дурманящим, к еде, от которой першило в горле, к богам, которых она не знала и не хотела знать.

Шамхат не торопила её. Она всячески опекала дочь, старалась повсюду быть рядом — будь то прогулка по городу или трапеза в храме. Она просто была — тихая, терпеливая, всё видящая, всё понимающая мама.

По ночам, когда город затихал и только шакалы перекликались где-то за стенами, Шамхат садилась на край постели Тии и пела. Она пела на древнем языке, которого Тия не понимала, но который чувствовала каждой клеточкой своего тела. Песня была долгая, протяжная, Шамхат пела её с переливами, с переменой интонации и переходами на гортанное звучание. То была песня о любви и смерти, о богах, которые спускаются на землю, чтобы полюбить смертных женщин, и о героях, которые сражаются с чудовищами, зная, что победить невозможно, но сражаются всё равно.

— Что это за песня? — спросила Тия однажды.

— Колыбельная, — ответила Шамхат. — Её пела мне, когда я была маленькой незнакомая женщина-служанка. Она приходила в этот храм специально, чтобы быть со мной. Её наняли для этого. Её звали Хафей. Я не знаю, кто она была. Она ушла, когда мне исполнилось семь лет. Сказала, что должна вернуться к себе домой.

— И ты никогда не искала её?

— Искала. Но не нашла. В Вавилоне легко потеряться. Особенно если ты пришёл из ниоткуда.

Тия хотела что-то спросить ещё, но Шамхат снова запела свою грустную песню с незнакомыми и завораживающими словами. Мелодия неслась, как вода, унося вопросы и сомнения.

***

После визита к царю Кардуниаша Агуму и разговора с ним Тия все время проводила с матерью. Обе женщины будто торопились наверстать каждое упущенное мгновение из всех долгих лет разлуки. Им было, что рассказать о себе и о произошедших с ними событиях. И ни до кого из всех людей в мире им не было никакого дела. Даже с Ра'уфом Тия встречалась урывками и очень коротко. Старик с пониманием относился к такому поведению подопечной. И, когда Тия представила его и остальных участников похода Шамхат, скромно поклонился и удалился в предоставленное им всем жилище в домике у воды. Давид и вовсе через неделю запросился в обратный путь. В силу привычки к кочевому образу жизни, он не мог долго оставаться на одном месте, ему требовалось постоянное движение. Он с благодарностью и всем почтением попрощался с Тией, Ра'уфом и остальными путешественниками и навсегда покинул Вавилон. Уже уходя, он с улыбкой пообещал Тие, что через годы или столетия обязательно поможет еще разок пройти через пустыню.

Во время главного праздника Акиту в честь весеннего равноденствия, когда весь Вавилон, от бедняков до вельмож, выходил на улицы и славил бога Мардука, который даровал людям жизнь и надежду, Тия снова встретилась с царем Агумом. Во дворце, где собрались несколько сотен гостей, Тия забрела в сад, чтобы отдохнуть от шума и духоты. Но не тут-то

было. Она увидела обряд, во время которого Великого правителя Вавилона прямо в храме, в присутствии большого скопления народа унижали кто как мог. Его лишили царских регалий, заставили каяться во всех земных грехах и совершенно отвратительные люди надавали ему пощёчин. Тия не смогла просто так смотреть на подобное унижение, взбежала по ступеням на роскошный пьедестал с подношениями и разбросала нечестивцев, поднявших руки на царя. Кругом послышался смех и крики одобрения. Агум плакал, из глаз его текли настоящие слезы. Но в то же время лицо его светилось от счастья. Позже Тия узнала, что в Вавилоне считалось, что во время праздника Акиту боги, увидев слезы царя, посылают благословение народу на целый год и даруют удачу.

Утерев слезы и вдоволь насмеявшись над спасением от злодеев, Агум протянул Тие руку и представил ее всем собравшимся в храме. Затем проводил ее к скамье у фонтана, предложив присесть. Он был в простой длинной рубахе, изрядно перепачканной соком фруктов, брошенным в него и брызгами вина, которым в него плескали во время экзекуции и, если бы не золотой браслет на запястье, можно было принять его за нерадивого слугу или писца.

— Ты, наверное, первый человек, который спас царя во время главного праздника в Кардуниаше. Тем более, женщина. Здесь обычно так не поступают. — Сказал он, улыбаясь. — Удивительно, что тебя не предупредили.

— Я прошу прощения, ваше величество, — поклонилась Тия, смутившись и раскрасневшись еще больше.

— Не переживай, ты недавно в Вавилоне, так что тебе простительно не знать о наших старинных обычаях. — Он поднял голову и посмотрел на неё. В его тёмных глазах до сих пор пробегали искры веселья и радости. — Тем более ты же спасала самого царя!

— В общем-то, да.

— Тия, — повторил он, как будто пробуя имя на вкус. — Имя, данное не в традициях Кардуниаша. Египетское. А что египтянка делает в моём саду в день весеннего равноденствия?

— Слушает, как шумит вода, — ответила Тия. — И удивляется, что царя бьют по щекам и обливают вином.

Агум усмехнулся.

— Меня не так просто узнать в таком разукрашенном виде. Как тебе это удалось?

— Браслет, — пояснила Тия. — На нём вырезана царская печать. Я запомнила его, когда была у вас на приеме. Или у вас в Кардуниаше такие браслеты раздают всем, кто заглянет во дворец?

— Только тем, кто замечает такие мелочи, — сказал Агум. — Подожди-ка, я прикажу принести вина.

Они просидели в саду до самого утра. Говорили о Египте и Вавилоне, о войне и мире, о богах и людях. Агум был умным и просвещённым собеседником — он слушал больше, чем говорил, и задавал вопросы, на которые Тия не знала ответов.

— Тебе нравится здесь жить? Лучше, чем в Египте? — спросил он под утро, когда небо на востоке начало светлеть.

— Город очень хорош! Есть, чему поучиться. Ваши зодчие — великие мастера. Но самое важное для меня то, что здесь моя мать, — ответила Тия.

— Шамхат. Главная жрица. Я ее знаю. У тебя великая мать.

— Спасибо, государь.

***

После той ночи они стали встречаться часто. Агум приглашал Тию во дворец, показывал ей библиотеку, где хранились таблички с древними письменами, в сопровождении охраны

водил на рынки, где можно было купить всё, от шёлка до слоновой кости, и в порт, где корабли из дальних стран разгружали товары, о которых в Египте даже не слышали.

Тия знала, что Агум смотрит на неё не только как на интересную собеседницу. Она видела это по его взгляду, по тому, как он задерживался на её лице чуть дольше, чем требовалось, и как его голос становился мягче, когда он произносил её имя.

И она сама — она не могла этого отрицать — начала думать о нём чаще, чем следовало. Ей нравилось, как он смеётся, запрокидывая голову, как хмурится, когда писец приносит плохие вести, как молчит, глядя на закат, и как иногда, когда они остаются одни, он берёт её за руку и не отпускает, пока кто-нибудь не войдёт.

Однажды вечером, когда они сидели на крыше дворца и смотрели на звёзды, он сказал:

— Оставайся в Вавилоне. Стань моей женой.

Тия замерла.

— Вы пошутили? — спросила она.

— Никогда не был более серьёзным, — ответил он. — Я царь. Мне нужна царица. Умная, сильная, красивая. Такая, как ты.

— Но я дочь ремесленника, я вам не ровня. Вы меня не знаете.

— Я знаю тебя достаточно, чтобы понять: лучше мне не найти.

Она долго молчала, глядя на звёзды. Ей было легко с ним, тепло, спокойно. Но где-то в глубине души, там, где она прятала свои настоящие желания, звучал другой голос. Голос, который говорил: не здесь. Не с ним. Не сейчас.

— Я не могу, — сказала она. — Спасибо за подданство. Благодарю за предложение. Но моё место не в Вавилоне.

— Твоё место там, где ты сама решишь его найти, — возразил Агум. — А не там, где тебя ждут.

— Я нужна царице. Она моя семья. Без меня ей будет трудно.

— А я? Я не семья?

Тия повернулась к нему, взяла его лицо в свои руки.

— Вы — невероятное волшебство, которое случилось со мной, — сказала она. — Но чудеса не длятся вечно. Я не смогу остаться. Вы это должны знать.

Он смотрел на неё долго, потом кивнул.

— С самой первой встречи знал, — сказал он. —Ты не похожа на тех, кто остаётся. Ты похожа на тех, кто уходит, оставляя после себя свет.

Они больше никогда не говорили об этом. Но Тия знала, что Агум не забыл. И она не забыла.

***

Жрецы Мардука приходили к ней несколько раз. Всегда втроем — старые, седые, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-либо.

— Твоя мать великая жрица, ей нет равных на этой земле, — сказал старший. — У тебя есть дар и возможность ее превзойти. Мы бы хотели, чтобы ты осталась в храме и стала ее наследницей.

— Я не жрица, — отвечала Тия. — И никогда к этому не стремилась.

— Ты ею станешь. Мы научим тебя. Мать научит тебя. Ты будешь самой великой жрицей богини Милитты.

— Поймите, святые люди, я чужая здесь, у меня есть своя жизнь. Она принадлежит моей царице Хатшепсут. Как только она меня призовет обратно, мне придется вернуться. И никто и ничто меня не удержит здесь.

— Ты не можешь отказаться, — сказал другой жрец. — Это не выбор. Это судьба.

Тия посмотрела на них долгим взглядом. Потом встала и вышла. Она не стала спорить — бесполезно. Она просто делала то, что считала нужным. Ходила на рынки, гуляла по городу, помогала матери, наслаждалась ее обществом, слушала её песни, учила язык, который становился всё роднее с каждым днём.

А когда жрецы приходили снова, она говорила: «Нет».

И они уходили, но непременно опять возвращались.

***

Когда Агум объявил о походе на южных соседей, Тия не колебалась. Она отправилась во дворец и напросилась на прием к царю.

— Ваше величество, разрешите мне идти с вами.

— Тия, это война, а не прогулка за добычей. Зачем тебе это? — Спросил он.

— Чтобы научиться тому, чему не учат в храмах.

Агум смотрел на неё долго. Потом усмехнулся.

— Ты упряма, как... я не знаю с чем сравнить.

— Как моя мать, — ответила Тия. — Она тоже никого не слушала.

Поход длился три месяца. Тия дралась рядом с мужчинами, и они сначала посмеивались над ней, а потом перестали смеяться. Её учили вавилонские военные наставники — суровые, молчаливые люди, которые могли свернуть шею одной рукой и при этом читать стихи на пяти языках. Ра'уф помогал ей освоить новые приёмы — захваты, броски, подножки, «мельницу», когда противник летит через бедро и не успевает понять, что произошло.

В бою она применяла их на полную. Она не была сильнее мужчин — она была быстрее, умнее, хитрее. Она не била в лоб — она заходила сбоку, сзади, снизу, отвлекала, выматывала, выводила из равновесия. И когда противник падал, она не добивала — она просто шла дальше, к следующему.

Агум смотрел на неё с гордостью. И с грустью. Ведь знал, что теряет.

***

Шамхат заболела, когда Тия была в очередном походе. Гонец принес известие от жриц. Оно было очень коротким: «Твоя мать умирает. Возвращайся».

Тия скакала на колеснице три дня без отдыха. Когда она вошла в храм, Шамхат лежала на кровати, бледная, как мел, и её рыжие волосы, всегда такие яркие, потускнели, как трава в засуху.

— Тия, дочка. Ты все бросила и пришла ко мне. — Сказала она, улыбаясь. — Я знала, что ты придёшь.

— Мама, прости, что оставила тебя, — ответила Тия, падая на колени рядом с кроватью. — Что случилось?

— Заболела, — ответила Шамхат. — Говорят, что-то серьезное. Лекари не знают, как её лечить. Да и не хотят. Говорят, это кара богов.

— Какие ж это боги карают за любовь? — прошептала Тия.

— Все, доченька, — ответила Шамхат. — Абсолютно все.

— Мне такие боги не нужны. Они только и делают, что отнимают тебя у меня.

Она умирала месяц. Тия не отходила от неё ни на шаг. Кормила, поила, читала вслух, пела песни, которые они когда-то пели вместе. Шамхат слушала и улыбалась.

В последнюю ночь, когда луна светила в окно и цикады пели громче обычного, Шамхат открыла глаза и сказала:

— Я не знаю, кто я, Тия. Меня нашли у храма, когда я была младенцем. Я никогда не знала отца и мать. Нет у меня ни корней, ни рода. Ни дома, ни имени, кроме того, которое дали мне жрецы.

— Это не важно, мама, — ответила Тия. — Ты — моя мать. Этого достаточно.

— Нет, — Шамхат покачала головой. — Ты должна узнать. Должна понять, кто мы и откуда. Иначе проклятие передастся дальше. Не получилось у меня создать семью и прожить в ней счастливую жизнь. Всего пять лет отпустила мне судьба для счастья. Небамона и тебя подарила, но вот отнимает снова.

— Мама, о каком проклятии ты говоришь? Не думай об этом.

— Проклятие быть чужими среди своих. Я носила его всю жизнь. Ты тоже носишь. Твои дети тоже будут носить, если ты не найдёшь себя.

Тия хотела возразить, но Шамхат подняла руку.

— Я, вот, не смогла. Обещай мне. — Сказала она. — Обещай, что не оставишь это. Обещай, что узнаешь.

— Обещаю, — сказала Тия.

Шамхат улыбнулась, закрыла глаза и больше не открыла их.

***

Тия хоронила мать на закате, когда солнце начинало золотить стены Вавилона. Все жрицы Милитты пели погребальные песни, и их голоса, высокие, трогательные, скорбные, разносились над храмом, как ветер над пустыней.

Она не плакала. Она стояла, смотрела на огонь, который пожирал тело матери, и повторяла про себя: «Я узнаю. Я найду. Я обещала».

Агум, с победой вернувшийся из похода, пришёл проститься. Он обнял её, и они стояли молча, глядя, как дым поднимается к небу.

— Ты возвращаешься в Египет, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да, ваше величество, — ответила Тия. — Мне надо вернуться, Я чувствую, что меня ждут.

— Я тоже буду ждать, — сказал он. — Если когда-нибудь захочешь вернуться.

Тия не ответила. Она знала, что не вернётся. Агум был мудрым царем и хорошим человеком, и она не хотела причинять ему боль.

Она собрала своих людей: Ра'уфа, несколько воинов, которые решили сопровождать её и жреца Мехтека, который с радостью засобирался домой.

Агум выделил внушительный отряд сопровождения для охраны. Прощания, как такового, не было. Пришли знакомые люди, пришли воины, с которыми посчастливилось сражаться, пришли чиновники и купцы, с какими-то важными бумагами, пришли большинство жриц Милитты. Отдельно попрощались жрецы бога Мардука, которым так и не удалось оставить Тию в храме. Если бы не воля Агума, то они и спрашивать бы не стали, оставили бы запереров в храме на веки вечные.

Вавилон очень быстро скрылся в жёлтой дали, уступив место песчаным барханами. Стены, башни, сады — всё исчезло, как и не было, оставив в душе лишь скорбь и грусть. Тия знала одно: она вернётся. В свой родной город — в Фивы. Туда, где она родилась, где ее ждут. Где её любят. Где она нужна.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Славная девочка Нефрура

Утро после разговора с отцом выдалось ясным и тихим, каким бывает только в Фивах в пору, когда Нил уже разлился, но вода ещё не начала спадать, и воздух над её поверхностью дрожит от влаги и солнца. Тия проснулась на своей любимой циновке, потянулась и размяла затёкшие плечи. Она долго смотрела на отца, который спал с лёгкой улыбкой на губах, и подумала, что, может быть, Шамхат пришла к нему этой ночью и сказала что-то важное, что-то тёплое, что согрело его доброе сердце.

Девушка не стала его будить, а просто тихо выскользнула из дома. Она прошла по пустынным утренним улицам квартала ремесленников, где только-только начинали просыпаться первые торговцы, и направилась к дворцу. Стража у ворот узнала её и расступилась, не задавая вопросов. Тию никто не смел останавливать.

Вместо того чтобы пройти в свои покои, она свернула в сад. Там, у большого пруда с белыми лотосами она увидела ту, кого не видела два долгих года.

Нефрура, несмотря на ранний час, сидела на деревянной скамье у самой воды, поджав под себя ноги, и бросала в воду зернышки. Она очень выросла за два года — из пухлой, вечно хохо-

чущей девчонки превратилась в тонкую, интересную девушку с большими, слишком серьёзными глазами и длинными чёрными волосами, которые она теперь не заплетала в косы, а распускала по плечам, как делала её мать в молодости.

— Нефрура, — сказала Тия тихо, боясь спугнуть её.

Девушка обернулась. И в ту же секунду уронила все свои зерна в воду, вскочила и, не обращая внимания на переполох под водой, бросилась к Тие с такой скоростью, будто за ней гнались все демоны пустыни.

— Тия! — закричала она, повисая у неё на шее. — Ты вернулась! Ты правда вернулась! А я думала, ты никогда не вернёшься. А мама говорила, что вернёшься. А я не верила, потому что ты была так далеко, и никто не знал, когда ты придёшь. Я каждое утро смотрела на реку и ждала твой корабль, и вот ты здесь, ты здесь, ты здесь!

Она тараторила, как сорока, и Тия, обнимая её, чувствовала, как колотится её маленькое сердце, как дрожат её тонкие плечи, как пахнет её волосы — не духами, как у взрослых женщин, а чем-то простым и детским, хлебом и мёдом, и ещё чуть-чуть — страхом, который она прятала ото всех, но не могла спрятать от той, кто знала её с пелёнок.

— Я здесь, — сказала Тия, поглаживая её по голове. — Я вернулась, маленькая. И никуда больше не уеду, пока ты сама меня не прогонишь.

— Я никогда тебя не прогоню! — воскликнула Нефрура, отстраняясь, чтобы посмотреть на неё заплаканными глазами. — Ты же моя старшая сестра. А сестёр не прогоняют. Даже если они уходят на край света и не пишут писем целых два года.

— Я писала, — мягко возразила Тия. — Просто письма шли долго. Ты их получала?

— Получала, — кивнула Нефрура и шмыгнула носом. — Мама читала их мне вслух. Про Вавилон, про храм, про ту странную богиню с львиной головой. А про маму твою она не читала. Сказала, что это не для детских ушей. Но я всё равно узнала. Я подслушала, как она говорила с Сенмутом.

— Ты оказывается непослушная девочка, — улыбнулась Тия.

— Самая плохая во всём Египте, — гордо согласилась Нефрура. — Но ты меня всё равно любишь.

— Люблю, — подтвердила Тия. — Больше всех на свете.

Они сели на скамью, и Тия достала из кармана небольшой свёрток, перевязанный золотой лентой.

— Это тебе, — сказала она. — Из самого Вавилона.

Нефрура развернула подарок и ахнула.

На её ладони лежала маленькая фигурка лисицы, изготовленная из очень дорогого кедрового дерева, с глазами из золота и хвостом, который, казалось, вот-вот шевельнётся. Это была не египетская лиса — стройная, гладкошёрстная, с большими ушами, — а пушистая и важная, с таким видом, будто она правит миром и только что подписала указ всем мышам о повышении налогов.

— Она живая, — прошептала Нефрура. — Смотри, она глядит на меня!

— Она смотрит на тебя, потому что ты красивая, — сказала Тия. — И потому что я вырезала её специально для тебя.

— А как её зовут?

— Как хочешь. Ты же хозяйка.

— Тогда я назову её... Нефрура Вторая, — решительно заявила девочка. — Потому что мы будем вместе править Египтом.

— Это хорошее имя, — согласилась Тия. — Достойное царицы.

Нефрура прижала фигурку к груди и закрыла глаза. Тия смотрела на неё и думала о том, как быстро растут дети, как незаметно проходит время, и как трудно уберечь их от той большой, взрослой боли, которая рано или поздно приходит к каждому.

— Тия, — сказала Нефрура, не открывая глаз. — Ты будешь меня защищать?

— Всегда, сестричка моя, — ответила Тия. — Я же обещала.

— А помнишь, как ты обещала? Я была ещё совсем маленькая. Лежала в колыбели, а ты стояла рядом и смотрела на меня. Мама рассказывала. Она сказала, что ты тогда не произнесла ни слова, просто кивнула. Но она поняла. Она всегда всё понимает.

— Твоя мама — самая умная женщина в мире, — сказала Тия.

— Очень умная, — согласилась Нефрура. — Но ей сейчас трудно. Очень трудно. Я вижу, как она устаёт. Как по ночам не спит. Как смотрит на карты и пишет письма, а потом рвёт их и начинает заново.

— Это потому, что она правит великой страной, — ответила Тия. — А править великой страной нелегко. Даже если ты фараон.

— Это не из-за страны, — покачала головой Нефрура и открыла глаза. — Это из-за него.

— Из-за кого?

— Из-за Тутмоса.

Тия почувствовала, как внутри неё зашевелился острый, раскалённый гнев. И хотя она научилась его глубоко прятать, но иногда он отражался на её лице, и она не всегда могла это контролировать.

— Что он сделал? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Он сказал, что я — дочь воровки, — выпалила Нефрура, и её голос дрогнул. — Сказал, что моя мать украла у него трон, что она не должна править, что настоящий фараон — это он. А я — просто приживалка при дворце, и когда он станет царём, меня выгонят вон или отдадут крокодилам, если я буду слишком много дерзить.

Тия молчала. Только глаза слегка сузились. Она старалась дышать ровно, чтобы Нефрура не заметила её закипающего гнева.

— Он сказал это при всех, — продолжала девочка. — При воинах, при слугах, при Сенмуте. А Сенмут не мог ему ответить, потому что он не царевич. А мама не могла, потому что, если она накажет его, народ скажет: «Царица обижает бедного сироту, законного наследника престола». И все повернутся против неё.

— А ты?

— А я не могла молчать. Я сказала ему, что он лжец и трус, что мама в десять раз лучше любого фараона-мужчины, и что, когда я вырасту, я сама сяду на трон и сделаю его своим прислужником.

— И что он?

— Он засмеялся и ушёл. Но потом прислал мне дохлую крысу в подарок. Сказал, что это самый маленький крокодил, который меня ждёт, если я не перестану задирать нос.

Тия обняла её.

— Никто никого не выгонит, — сказала она тихо, но твёрдо. — Хорошая моя, я здесь.

Нефрура уткнулась носом ей в плечо и заплакала — тихо, по-взрослому, без всхлипов и жалоб, как плачут только те, кто уже понял, что слёзы не помогают, но не может остановить их, потому что они текут сами.

— Я так боялась, — прошептала она. — Я не показывала, но я очень боялась. Мама сказала, что ты придёшь и всё исправишь. А я думала: вдруг ты не придёшь? Вдруг ты забудешь? Вдруг тебе там, в Вавилоне, будет лучше, чем здесь?

— Нигде не может быть лучше, чем здесь, — ответила Тия. — Потому что здесь ты. И твоя мама. И Сенмут. И мой отец. И все, кого я люблю.

— А Ра'уф? Он тоже здесь? Твой слепой учитель?

— Здесь. Он сегодня должен ждать меня где-то возле ворот. Хочешь познакомиться с ним поближе?

— Он страшный? — спросила Нефрура, вытирая слёзы.

— Он страшный только для врагов, — улыбнулась Тия. — А для друзей — просто старый ворчливый дедушка, который умеет рассказывать такие истории, что заслушаешься.

— Тогда пойдём, — сказала Нефрура, хватая её за руку. — Познакомимся.

Они встали со скамьи и пошли по саду, между цветущими кустами и журчащими фонтанами. Нефрура сжимала в руке кедровую лисицу и то и дело подносила её к глазам, чтобы рассмотреть получше.

— Тия, — сказала она, когда они уже подходили к дворцовой террасе. — Ты накажешь его?

— Кого?

— Тутмоса.

Тия помолчала.

— Я не буду его наказывать, — сказала она. — Я просто сделаю так, чтобы он замолчал и больше никогда не смел обижать тебя и твою мать.

— А если не замолчит?

— Тогда я сделаю так, чтобы он пожалел о том, что родился на свет.

Нефрура посмотрела на неё долгим, серьёзным взглядом, в котором была не столько детская непосредственность, сколько совсем взрослая грусть, что Тия на мгновение забыла, что перед ней ребёнок.

— Ты его убьёшь? — спросила она шёпотом.

— Если придётся, — так же шёпотом ответила Тия. — Но сначала я попробую договориться.

— Договориться с Тутмосом? — Нефрура удивилась. — Он не умеет договариваться. Он умеет только приказывать и угрожать.

— Тогда я научу его, — сказала Тия. — У меня есть кое-какой опыт.

Они вышли на террасу, где Ра'уф сидел на ступенях, перебирая чётки, и грелся на солнце, как старый кот, который нашёл самое тёплое место во всём доме.

— Дедушка! — закричала Нефрура, бросаясь к нему. — Ты Ра'уф? Ты правда можешь убить человека одним ударом?

— Могу, — ответил старик, и его незрячие глаза как будто посмотрели на неё с ласковой усмешкой. — Но зачем мне это делать, когда есть ты? Ты и так убьёшь любого врага одной улыбкой.

— Правда? — обрадовалась Нефрура. — Я Нефрура.

— Правда, — подтвердил старик. — А я Ра'уф. У тебя очень опасная улыбка. Я чувствую её даже без глаз.

Девочка засмеялась и уселась рядом с ним, положив голову ему на плечо. Ра'уф не отодвинулся — не было нужды отодвигаться от того, кто искал его защиты.

— Расскажи мне про Вавилон, — попросила Нефрура. — Тия говорит, ты знаешь все истории на свете.

— Вот уж сказала. Не все, конечно, — сказал Ра'уф. — Но многие. Хочешь услышать одну?

— Хочу, рассказывай!

— Тогда слушай. Было это давно, когда я был молодым и глупым, а не старым и мудрым, как сейчас...

Он начал рассказывать, и его скрипучий и низкий голос потек, как река, унося девочку в мир древних легенд, где боги ходили по земле, а герои не боялись смерти. Тия стояла в стороне и смотрела на них — на слепого старика и на ребёнка, который слушал его с открытым ртом, — и думала о том, что ради этого стоит жить. Ради таких моментов. Ради тепла, которое разливается по груди, когда видишь, что те, кого ты любишь, рядом и счастливы.

Тия понимала, что впереди её ждёт борьба с Тутмосом, с его советниками, с его армией, с его амбициями. Но сейчас, в этот короткий миг тишины и покоя, она позволила себе просто постоять и посмотреть на небо, которое было таким же голубым, как в тот день, когда она впервые поцеловала мать в щёку и сказала: «Я люблю тебя».

ГЛАВА ПЯТАЯ. Первая встреча с Тутмосом

Половина дворца, которую занимал наследник престола, находилась в восточном крыле, где солнце вставало раньше, чем в любой другой части здания, и заливало комнаты ярким, почти ослепительным светом. Тия шла по длинному коридору, её сандалии почти бесшумно касались полированного камня, а стражники, стоявшие у каждой двери, провожали её любопытными и настороженными взглядами. Они знали, кто она (слухи всегда бегут впереди дел и событий), знали, что она вернулась, и знали, что её визит к наследнику не сулит ничего хорошего. Но они также знали, что Тия вряд ли пришла просто поговорить, и от ее визита в покои Тутмоса не стоило ожидать ничего хорошего.

Слуга, который сопровождал её, остановился у высокой резной двери, украшенной золотыми изображениями военных сцен, с центральной фигурой фараона-воина на колеснице. Это была не просто дверь — это было заявление. Наследник престола с детства мечтал о подвигах и готовился к этому с помощью наставников и советников.

Открыв двери, слуга замер. Когда Тия перешагнула порог, дверь за ней бесшумно закрылась.

Тутмос сидел в кресле.

Он не встал при её появлении, не повернул головы, даже не оторвал взгляда от яблока, которое держал в руках. Он просто сидел, откинувшись на спинку, с ногой, закинутой на ногу, и делал вид, что процесс поедания плода для него сейчас важнее всего. Но Тия видела, что его глаза то и дело вскользь подглядывают за ней.

Его поза была рассчитанной, наигранной. Тутмос всем своим видом хотел показать, что Тия не стоит его внимания, что она — никто, пустое место, которое можно игнорировать без всякого ущерба для его величия.

Он был широкоплечим для своих пятнадцати лет, коренастым и тяжёлым, с густыми чёрными волосами, которые падали на лоб непослушными прядями, и с кожей, смуглой, как у всех египтян, но с каким-то нездоровым оттенком, будто он редко выходил на солнце. Его руки, лежавшие на подлокотниках кресла, были сильными, с выступающими венами и квадратными пальцами — руки воина, который ещё не нюхал пороха, но уже чувствовал себя полководцем. Его лицо, ещё не успевшее потерять юношескую округлость, уже приобрело жёсткие черты, человека привыкшего повелевать. Губы его были плотно сжаты, а тёмные, почти чёрные глаза, с тяжёлыми веками — смотрели на вошедшую Тию с таким выражением, будто она была докучливой мухой, случайно залетевшей в его покои, и теперь мешала ему сосредоточиться на яблоке.

— Рыжая чума, — сказал он, не поднимая глаз. — Вернулась.

Тия стояла у двери, не приближаясь, и смотрела на Тутмоса без злости, без страха, без эмоций, которое он мог бы истолковать как слабость или вызов. Её тело было расслабленно, но было готово к любому действию. Руки были опущены вдоль тела, ладони открыты, но пальцы слегка согнуты — так, чтобы в любой момент можно было перехватить удар или выхватить нож, который лежал в потайном кармане её пояса.

— Здравствуй, Тутмос, — сказала она ровно. — Я пришла поговорить с тобой.

— Ты пришла поговорить с наследником престола, — поправил он, и в его ещё ломающемся, но уже грубом голосе, послышалась насмешка. — А не с каким-то там мальчишкой. Или ты забыла, кто я? Или ты думаешь, что моя тётка научила тебя всем тайнам власти, и теперь ты можешь учить меня?

— Я помню, кто ты, — ответила Тия. — И я пришла поговорить с наследником престола. Если он, конечно, способен вести разговор как взрослый человек, а не как обиженный ребёнок, которому не дали новую игрушку.

Тутмос наконец поднял голову и посмотрел на неё в упор. Его глаза сузились, и Тия увидела в них уже знакомый ей огонь. Она не раз встречала такие взгляды у других, взрослых мужчин, которые тоже когда-то имели неосторожность смотреть на неё с презрением и уверенностью в своём превосходстве. Но в глазах этого юноши было нечто большее — не просто гнев или высокомерие, а что-то глубокое, почти болезненное. Ненависть, которую он вскармливал годами. Ненависть к Хатшепсут, к её власти, к её успехам, к её правлению, которое затмевало его собственное существование. И эта ненависть теперь искала выход, и сейчас его жертвой должна была стать Тия.

— Я не хочу с тобой говорить, — сказал он, срывающимся голосом. — Ты мне не нужна. Ты была нужна моей тётке, когда она не могла найти себе другую игрушку. Но теперь я здесь, и я не собираюсь терпеть, чтобы какая-то рыжая приживалка приходила с советами. Ты — никто. Ты — безродная девка, которую как кошку подобрали на улице, потому что пожалели. Ты даже не египтянка. Ты — чума непонятно откуда.

Он говорил это с такой злостью, с такой яростью, что голос дрожал и срывался, а лицо покрылось красными пятнами. Слуги, стоявшие у стен, опустили глаза, а стражники за дверью, наверное, слышали каждое слово, но не смели пошевелиться.

Тия молчала. Она стояла неподвижно, сложив руки перед собой, и смотрела на него с тем же спокойствием, с каким смотрят на бушующее море, зная, что оно не может причинить вреда, если не подходить слишком близко. Она ждала, когда он выдохнется, когда его ярость иссякнет, чтобы можно было сказать то, что она собиралась сказать.

— Ты не кланяешься, — заметил Тутмос, переводя дыхание. — Наследнику престола положено кланяться. Это закон. Это обычай. Или ты думаешь, что ты выше законов?

— Я кланяюсь только фараону, — ответила Тия. — А ты пока не фараон. Ты — всего лишь претендент. И если ты продолжишь вести себя так, как ведёшь себя сейчас, ты никогда им не станешь.

Он вскочил с кресла так резко, что огрызок яблока выпал из его руки и покатился по полу. Его лицо побагровело, и Тия увидела, как дрожат его руки, как напряглись мышцы на шее, как вздулись вены на лбу.

— Как ты смеешь! — закричал он, срываясь на визг, разнёсся по всей комнате, отражаясь от стен и возвращаясь эхом. — Ты, дочь какого-то резчика! Ты, шпионка! Ты, безродная девка с улицы! Ты смеешь говорить мне, что я не фараон?! Ты, которая даже не знает своего настоящего имени!

— Я говорю тебе, что ты пока не фараон, — повторила Тия спокойно, и её ровный и тихий тон под высокими сводами зала подействовал на Тутмоса, как удар молота.

Тутмос замер. Его дыхание стало прерывистым, он до хруста сжал кулаки.

— И, если ты продолжишь кричать на меня, как нашкодивший ребёнок, ты никогда им не станешь. Потому что фараоны не кричат. Фараоны говорят спокойно, потому что знают: их слово — закон. А если ты кричишь — значит, ты не уверен в своей власти. И это видно всем. Твои слуги видят это. Твои стражники видят это. И я вижу это.

— Ты мне угрожаешь? — спросил он тихо, почти шёпотом, со всей ненавистью, что сконцентрировалась в этот момент в его сердце.

— Я тебя предупреждаю, — ответила Тия холодно. — Это первое и последнее предупреждение. Единственное. Прекрати оскорблять Хатшепсут, Нефруру и Сенмута. Прекрати собирать вокруг себя советников, которые шепчут тебе о том, что трон принадлежит тебе по праву, и что ты можешь взять его силой. Прекрати угрожать людям, которые слабее тебя. Иначе тебе придётся иметь дело со мной. И я уже не буду такой снисходительной, как сейчас.

— И что ты сделаешь? — усмехнулся Тутмос, но в его усмешке уже не было уверенности, лишь необъяснимый страх, который он тщетно пытался скрыть за маской гнева. — Убьёшь меня? Ты не посмеешь. Я — наследник престола. Если я умру, народ поднимется против твоей царицы. Это будет война. Ты этого хочешь?

— Я не хочу убивать тебя, — сказала Тия как-то устало, что Тутмос на мгновение опешил. — Я хочу, чтобы ты понял одну простую вещь. Ты ещё не вырос, чтобы играть в такие игры. Ты — мальчик, который считает себя мужчиной, потому что ему так сказали слуги. Но ты ещё не победил в ни одной битве, не построил ни одного храма, не подписал ни одного мирного договора. Ты — никто. И пока ты не докажешь обратное — ты будешь никем. Ты можешь кричать, угрожать, швырять вещи, но это не сделает тебя фараоном. Фараоном становятся наличием дел, а не слов.

— Ты не знаешь меня! — закричал он так громко, что Тия на мгновение задумалась, не слишком ли далеко она зашла. — Ты не знаешь, что я пережил! Ты не знаешь, как меня унижали, как меня называли «мальчиком при троне»! Ты не знаешь, как я ненавидел её за то, что она украла у меня всё!

— Я знаю, что ты ненавидишь её, — сказала Тия тихо. — Я вижу это в твоих глазах. Но ненависть не делает тебя сильнее. Она делает тебя слабее. Она заставляет тебя совершать ошибки. Она заставляет тебя проигрывать. Если ты хочешь стать фараоном, ты должен научиться контролировать свою ненависть. Использовать её, а не позволять ей управлять тобой.

Тутмос молчал. Он вдруг замер, поджав губы. В его глазах, горевших яростью, промелькнуло что-то новое. Что-то похожее на уважение. Или… на страх.

— Убирайся, — сказал он, и его голос дрогнул. — Убирайся отсюда, пока я не приказал стражникам вышвырнуть тебя. Или хуже.

— Я уйду, — ответила Тия. — Но помни: я всегда буду рядом. Я буду следить за тобой. Я буду знать, что ты говоришь, с кем встречаешься, о чём думаешь. И если ты сделаешь хоть один шаг против Хатшепсут или её дочери — я приду к тебе снова. И в следующий раз я не буду предупреждать.

Она развернулась и, не оглядываясь, вышла из комнаты. Дверь ещё закрывалась за ней, и Тия услышала, за ней что-то с грохотом упало на пол, а затем раздался яростный крик Тутмоса, такой громкий, что, казалось, его слышат во всём дворце:

— Она смеет мне угрожать! Она, эта рыжая чума! Я прикажу схватить её, я прикажу высечь её, я прикажу сжечь её на костре, скормить львам! Нет… гиенам! Вы слышали?! Вы все слышали?!

Тия неслышно шла по коридору ровными размеренными шагами. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри у неё всё кипело от гнева, который она в течение всего разговора сдерживала. Она знала, что Тутмос будет кричать, угрожать, метаться по комнате, швырять вещи и проклинать её на чём свет стоит. Но это не имело значения. Главное было сделано: она показала ему, что не боится. Она показала ему, что он не всесилен. Она показала ему, что его гнев может обернуться против него же. И самое главное — она увидела страх наследника.

А в комнате Тутмос швырнул в дверь тяжёлым бронзовым светильником, который только что стоял на столе, и светильник с глухим стуком ударился о дерево, оставив в нём глубокую вмятину. Он схватил первый попавшийся под руки свиток и разорвал его на куски, разбросав по полу.

— Она пожалеет! — кричал он, обращаясь к слугам и стражникам, которые стояли неподвижно, боясь даже дышать. — Я сделаю так, что она пожалеет о том, что родилась на свет! Я отрублю ей руки, вырву её язык, а её волосы прикажу сжечь на глазах у всей площади! Вы слышите?! Вы все будете смотреть!

Он задыхался от ярости, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Его лицо было красным, на шее вздулись вены, а глаза горели огнём, и слуги невольно отступали к стенам, мечтая стать совсем невидимыми.

Никто не ответил. Слуги стояли, опустив головы, а стражники смотрели куда угодно, только не на него. Они боялись его гнева, но ещё больше они боялись той, кто только что вышла из этой комнаты. Та, которая смотрела на него так, будто видела его насквозь. Та, кто не боялась его. Та, кто обещала вернуться.

Тутмос тяжело дышал, глядя на дверь, за которой только что скрылась Тия. Его грудь вздымалась, он был в ярости. Но где-то в глубине этой ярости зародился и начал расти маленький, едва заметный страх. Страх перед той, кто не боялась его.

— Мы ещё посмотрим, кто из нас сильнее, — прошептал он, глядя на закрытую дверь. — Мы ещё посмотрим, кто победит в этой войне. Я не сдамся. Я никогда не сдамся. Я стану фараоном. Я сотру ваши имена из истории. Я уничтожу всё, что вы построили. И никто не вспомнит о вас.

Он стоял у двери, и его руки дрожали от ненависти, которую он прятал и вынашивал в себе. Ненависти, которая теперь нашла свою цель.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Тутмос-обвинитель

Утро военного совета выдалось душным, чувствовалось преддверие грозы. Воздух стал таким плотным, что, казалось, его можно резать ножом, а небо над Фивами налилось свинцом, обещая либо бурю, либо конец света, либо и то и другое вместе. Тия не спала почти всю ночь — она сидела в своей комнате, глядя на звёзды, и думала о том, что произойдёт, когда солнце поднимется над дворцовыми стенами и начнётся совет, на котором Тутмос обязательно попытается показать свой нрав и утвердиться среди военных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.